

DOI 10.35775/PSI.2025.123.11.014

УДК 32

О.Г. ПАРАМУЗОВА

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и гуманитарного права
СЗИУ РАНХИГС, Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: olgaparamuzova-og@ranepa.ru

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ КРИЗИСА МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Целесообразность проведения настоящего исследования имеет в качестве одного из главных посылов объективную оценку роли и значимости доктрины теоретиков международного права, а научных философских концепций и исторических трудов, а также исследований ведущих авторитетов, оставивших свой след в рамках широкого круга общечеловеческих наук. Итогом проведенного исследования стали сформулированные авторами настоящей статьи выводы и предложения, возможность реализации которых в практике международных отношений видится необходимой для повышения общей культуры безопасности и преодоления кризисных явлений в современном международном праве в эпоху переживаемого им в настоящее время кризиса.

Ключевые слова: доктрина международного права, источники международного права, международное правосознание, авторитет международного права, международное правотворчество и международное правоприменение, *opinion Juris, ergo omnes*, механизм международно-правового регулирования, универсальная системы международной безопасности, международно-правовая ответственность, упорядочение международных отношений.

Среди многочисленных проблем современности наиболее острой является коллапс системы международного права и утрата доверия к нему как дееспособному регулятору международных отношений, как эффективно функционирующему и бесперебойно работающему механизму, позволяющему сдерживать международно-противоправное поведение и нивелировать угрозы миру и международной безопасности. Бесспорным является тот факт, что непринятие соответствующих мер, восстанавливающих значимость международного права, как надежного и стабильного инструмента упорядочения международных связей, приведет человечество к неминуемой гибели в результате развязывания третьей Мировой войны. Осознавая характер и количество накопленного в мире ядерного оружия и не исключая возможность его применения обладающими им государствами, полагающими, что в случае угрозы их национальной безопасности ничто не явится легитимным препятствием реализации подобных действий, одной из главных задач глобального масштаба представляется преодоление

кризиса функционирования механизма международно-правового регулирования и снятие остроты возрастающей в последние десятилетия проблемы международно-правового нигилизма.

Очевидно, что реализация международного права в процессе правоприменения, и особенно норм *Jus cogens*, далеко не в последнюю очередь зависит от признания их характера *opinio juris*, их объективной оправданности, легитимности, авторитета, целесообразности имплементации во внутреннее законодательство государств, а также осознания факта невозможности отказа от соблюдения закрепленных в них обязательств и запретов, несоблюдение и нарушение которых неизбежно приведет к окончательной эрозии международного права и межгосударственной системы международных отношений в целом.

Не стоит забывать, что основная сложность реализации международного права кроется в его особой природе и специфике процессов международного нормотворчества и международного правоприменения. Отсутствие надгосударственных принудительных механизмов, проблемность, а порой и невозможность привлечения к ответственности виновных субъектов, совершивших международно-противоправные деяния, к сожалению, также предопределены самой сущностью международного права и отсутствием юридического перечня его легитимных источников.

Полагая невозможность руководствоваться нормами Статута Международного Суда ООН, в статье 38 которого сформулирован «перечень источников, которыми должен руководствоваться Международный суд ООН при принятии решения», а отнюдь не перечень источников универсального (общего) международного права с его обязательствами *erga omnes*, формулировка и обоснование объективности и целесообразности международно-правовых источников, как бы это не звучало парадоксально, выводится доктринальным путем, то есть сквозь призму субъективных точек зрения, выраженных теоретиками в области международного права и других научных сферах, имеющих непосредственную связь с историей возникновения и развития международного права, а также с формированием философии международного права и международного правосознания. Иными словами, сама международно-правовая система в целом в качестве краеугольного камня имеет научную доктрину, объективно-детерминированную и экспериментально-подтвержденную в практике реальной международно-правовой действительности. Причем за примерами далеко ходить не приходится, достаточно вспомнить *Magna glossa* Франциска Аккурсия [6], бессмертный труд Иммануила Канта «К вечному миру» [2], Книги Гуго Гроция [1], трактат о венном искусстве, а возможно даже философию войны, нашедшую воплощение в работе Карла Фон Клаузевица «О войне» [3], и конечно, оговорку Фёдора Федоровича Мартенса [5. С. 56-64].

Ввиду того, роль доктрины в легитимации источников международного права имеет исключительную важность. Ибо доктринальные суждения признанных международно-правовых авторитетов, мыслителей и философов содержат в себе непревзойденную значимость, ценность которой для стимулирования

реализации правовых норм в процессе правоприменительной деятельности играет кардинальную роль, то есть имеет особое качество, которого лишена научная доктрина в национальном (внутригосударственном) праве с его формально-определенным перечнем источников правового регулирования в той или иной сфере общественных отношений, представляющих интерес для права и находящихся в сфере действия юридически конституированных источников.

Резюмируя изложенное, особый интерес в свете современных международных кризисов, вооруженных конфликтов, общепланетарных экологических бедствий и угроз дальнейшему существованию нашей планеты, представляет исследование и оценка значимости научной доктрины для модернизации международного правосознания и его выходе на качественно новый уровень, а также в инициации и развития нового витка международного правотворчества, результатом которого должно стать упорядочение межгосударственной системы, выхода международного права из кризиса и преодоление его фрагментации.

Международно-правовая система, как всякая система, предполагает структурированность, то есть наличие взаимосвязанных, взаимообусловленных структурных элементов, а именно:

- позитивного международного права, нормы которого получили нормативно-правовое закрепление в его легитимных источниках, признаваемых как *opinion juris*;
- международных правоотношений двух видов: как уже фактически сложившиеся в практике общественных отношения, получившие нормативно-правовое признание и закрепление в международно-правовых источниках, либо как общественные отношения, порождаемые посредством практической реализации международно-правовых норм в процессе правоприменения;
- международного правосознания, имеющего свою специфику в зависимости от уровня, национальной, географической, исторической, социальной и других составляющих.

На наш взгляд, анализируя особенности международно-правовой системы, уместны вопросы следующего содержания: возможно ли выделение общего универсального международного правосознания, и если да, то что должно лежать в его основе; под влиянием каких факторов оно формируется и при наличии каких условий международное правосознание может быть подвержено изменениям, трансформации и диверсификации?

Представляется оправданным и обоснованным с точки зрения формальной логики и необходимости выработки общих (универсальных) идей, концепций и доктрин, лежащих в основе современного международного правопорядка, руководствоваться имеющими взаимосвязь с предметом международного права концепциями авторитетных ученых и философов и выдающихся юристов-международников, которых можно и даже нужно рассматривать в качестве отцов-основателей универсального международного права.

Обоснование исключительной роли доктрины в процессах международного правотворчества и правоприменения, возможно посредством обращения к научным концепциям наиболее значимых и, даже можно сказать, ключевых фигур в сфере теории, философии и истории права. По нашему мнению, особую роль в становлении науки международного права, создании и развитии норм *jus cogens* в качестве норм *erga omnes* сыграли и продолжают играть труды таких авторов, как Иммануил Кант, Гуго Гроций, Карл Фон Клаузевиц, Федор Федорович Мартенс и Жан Пикте [4].

Прежде чем переходить к анализу правовой природы данных концепций и определению их значимости в осуществлении дальнейшей кодификации международного права, отметим, что акцент на изучение именно этих научных теорий был предопределен тем обстоятельством, что в данных трудах объектом исследования стали прежде всего вопросы мира и войны. Ибо представляется целесообразным полагать, что возникновение и поступательное развитие самого международного права объективно детерминированы необходимостью регулирования военных вопросов, международное право именовалось порой как «право войны и мира».

Учитывая тот факт, что философия общепризнанно является основой научного познания и наукой всех наук, обратим внимание в первую очередь на концептуально-выдержанные, научно-обоснованные, предопределенные эмпирическим опытом и подкрепленные международной правоприменительной практикой философские умозаключения и научные парадигмы, разработанные Иммануилом Кантом в одном из его фундаментальных трудов «К вечному миру», вышедшему в свет в 1795 году, и предложенному человечеству в качестве Проекта договора о вечном мире.

Достаточно выделить отдельные постулаты данного Проекта для того, чтобы констатировать значимость вклада И. Канта в формулировку и обоснование дальнейших перспектив развития общего международного права и международного гуманитарного права, в частности.

Прежде всего, читая название Проекта «К вечному миру» возникает вопрос: к кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске, размещенная одним голландским трактирщиком рядом с изображенным на этой вывеске кладбищем? Ко всем людям или только к главам государств, которые никогда не смогут насытиться войной, или, может быть, только к философам, которым снится этот сон? Вопросы остаются открытыми.

Не останавливаясь подробно на всех заслуживающих интерес и проведения глубокого анализа рассуждениях И. Канта, будучи ограниченной рамками настоящего исследования, необходимо визуализировать основные постулаты этого бессмертного трактата, принадлежащего великому немецкому философу 18 века, оставившему неизгладимый след в общемировой науке. Итак, основные ценностные установки [2]:

– «...ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны, ибо иначе это было бы только

перемирие, временное прекращение военных действий, а не мир, который означает окончание всякой вражды, и присоединять к которому прилагательное «вечный» есть подозрительный плеоназм...

– ...ни одно самостоятельное государство... ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством, ибо государство, в отличие от земли, на которой находится, не представляет собой имущества *patrimonio*...

– ...постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть..., иное дело – добровольное, периодически проводимое обучение граждан обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от военного врага...

– ...государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики, как орудие борьбы держав между собой, кредитная система являет собой опасную денежную силу, а именно фонд для ведения войны...

– ...ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые бы сделали невозможным взаимное доверие в будущем, в мирное время...

– ...карательная война *bellum punitivum* между государствами немыслима, поскольку между ними не существует отношений «начальник-подчиненный». Отсюда следует, что истребительная война, в которой могут быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы лишь к вечному миру на гигантском кладбище человечества..., подобная война, а также использование средств, которые открывают пути к ней, должны быть безусловно запрещены...» [2].

На основе приведенных цитат представляется очевидным, что данные концептуальные модели не только содержат в себе научно-теоретическую значимость, но и несут в себе огромную смысловую нагрузку, познание сути которой и грамотное руководство ими, позволит вывести человечество на качественно новый уровень международного правосознания и осознать не только юридическую противоправность развязывания войны, но и ее невозможность по причине ее бесцельности, бесполезности, и несоответствия самой природе человека и основополагающим морально-нравственным ценностям.

Обращаясь к труду Карла Фон Клаузевица «О войне», в качестве его главной заслуги является разработка своего рода «философии войны». Как отмечает автор, природа войны состоит в том, что война, как таковая, «... не только чисто военное явление, но и явление общесоциальное, лежащее в природе человеческих отношений и в особенности природы самого человека...». Представляется очевидным, что подобный подход позволяет сблизить войну с другими явлениями и поместить ее «... в общую систему человеческих деяний, страданий и радостей...» [3].

Вполне понятно, что с юридической точки зрения, в классической монографии К.Ф. Клаузевица не все обосновано и совершенно по содержанию и форме, но, бесспорно, можно считать этот труд уникальным в своем роде, обладающим

особой ценностью в научном багаже автора, которому удалось продемонстрировать свое собственное понимание природы войны, сопряженное с глубокими знаниями человеческой природы.

Особую роль в формировании действующего универсального международного права сыграла и продолжает играть научная и практическая деятельность профессора Санкт-Петербургского университета Федора Федоровича Мартенса, всемирно известного ученого, одного из отцов-основателей права вооруженных конфликтов, главной заслугой которого совершенно справедливо считается, по общепринятому мнению ведущих юристов-международников и авторитетных специалистов в сфере области компаративистики, разработка так называемой «оговорки Мартенса».

Вообще говоря, со времен Ф.Ф. Мартенса роль международного гуманитарного права, как права вооруженных конфликтов, возрастает в геометрической прогрессии и приобретает качественно новый характер. Если классическое международное право регламентировало как в мирное, так и в военное время исключительно межгосударственные отношения, то в условиях современной реальности в модернизированную архитектуру международного сообщества все больше вовлекаются негосударственные акторы международных отношений, которые, не будучи субъектами международного права, являются его участниками, имеют определенные права, несут обязанности и ответственность за совершение преступлений, выходящих за рамки правового регулирования отдельных государств и представляющих угрозу другим государствам или международному сообществу в целом.

В XX веке «Право войны» сменило радиус своего действия и стало нацелено скорее не на правовую регламентацию применения вооруженной силы, рассматриваемой как законное, но исключительное средство разрешения международных споров, а на урегулирование проблем, связанных с осуществлением гуманитарной защиты жертв вооруженных конфликтов. Изменение вектора воздействия международного гуманитарного права на современные международные отношения, складывающиеся в процессе подготовки, развязывания и ведения войны, а также отношения, возникающие после окончания войны, закладывающие основы послевоенного устройства мира, было продиктовано ужасами двух Мировых войн, обозначивших как никогда ранее, хрупкость и возможность эрозии универсальной системы международного мира и безопасности, последствием чего вполне вероятно может стать физическое прекращение существования жизни на Земле в условиях реализации амбициозных планов наиболее сильных государств в решении территориальных вопросов и проблем разграничения сфер влияния в условиях многополюсного мира, а также в контексте формирования концепции «безнаказанности великих держав за международно-противоправные деяния», руководство и следование которой в последние годы становится, если не регулярными, то достаточно репрезентативными деяниями отдельных субъектов.

В подобных исторических условиях творчество Ф.Ф. Мартенса должно быть переоценено ввиду глубины и широты его взглядов относительно роли «универсальных принципов гуманности, человечности и здравого смысла» в регулировании тех вопросов и проблем международного мира и безопасности, которые пока еще не вовлечены в сферу договорного регулирования.

На основе изложенного, определяя роль и значимость оговорки Ф.Ф. Мартенса, можно прийти к следующим выводам:

- оговорка имеет не только юридическое значение, но и приобретает характер особой значимости в качестве одной из главных составляющих всей системы международных отношений;

- в доктрине и практике международных отношений оговорка Мартенса трактуется как норма *Jus cogens*, поскольку признается подавляющим большинством субъектов международного права в качестве *opinio juris*, то есть признается в качестве обычно-правового источника международного права;

- посредством применения оговорки обеспечивается постоянная связь норм международного гуманитарного права с нормами международного права в сфере защиты прав личности, принятых в последние годы;

- в соответствии со смыслом данной оговорки, в случае юридически грамотного ее толкования и применения, в условиях угрозы международному миру и безопасности возможно подчинить применение силы в международных отношениях определенным правилам, которые позволят контролировать поведение субъектов и не допустить разрушительные для существования человечества последствия ее применения.

На основе проведенного исследования представляется оправданным констатировать тот факт, что роль научной доктрины в формировании нового международного правосознания и в поиске путей выхода международного права из сложившегося кризиса, являющегося знаменем современных геополитических процессов, должна быть подвергнута пересмотру. Отсутствие нормативного перечня источников международного права и констатация факта их доктринальной детерминации объективно приводит к осознанию возможности, а может быть, и необходимости, признания доктрины наиболее выдающихся ученых и признанных авторитетов в сфере международного права в качестве его международно-правовых обычаев, которые будучи признанными в качестве *opinio juris*, приобретают характер юридической обязательности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гуго Гроций.** О праве войны и мира. Полный текст с комментариями. Серия «Вся история в одном томе». АСТ, 2023.
2. **Кант Иммануил.** К вечному миру. М., 2019.
3. **Клаузевиц К.Ф.** О войне. Важнейшие принципы войны. Санкт-Петербург, 2022.

4. **Пикте Ж.** Развитие и принципы международного гуманитарного права. Женева, 2000.
5. **Пустогаров В.В.** Оговорка Мартенса – история и юридическое содержание // Право и политика. 2003. № 3.
6. **Colliva.** Documenti per la biografia di Accursio, Atti del convegno internazionale di studi accursiani, Bologna, 21-26 ottobre 1963, éd. Guido Rossi, 3 vols., Milan, 1968.

O.G. PARAMUZOVA

PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of International and Humanitarian Law
at the North-Western Institute of Management,
St. Petersburg, Russia

ASSESSMENT OF THE SIGNIFICANCE OF SCIENTIFIC DOCTRINE IN SOLVING THE PROBLEMS OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGULATION MECHANISM CRISIS

The purpose of this study is to provide an objective assessment of the role and significance of the doctrine of international law theorists, as well as scientific philosophical concepts and historical works and studies by leading authorities who have made significant contributions to a wide range of human sciences. The authors of this article have formulated conclusions and proposals based on the results of their research, which they believe are necessary for improving the overall culture of security and overcoming the current crisis in international law.

Key words: doctrine of international law, sources of international law, international legal consciousness, authority of international law, international law-making and international law enforcement, opinion Juris, ergo omnes, mechanism of international legal regulation, universal system of international security, international legal responsibility, and regulation of international relations.